

ПАМЯТЬ

4 октября исполняется 90 лет со дня рождения
большого русского поэта Глеба Горбовского

ГЛЕБ ГОРБОВСКИЙ

И ДОЛЬШЕ ДЛИТЬСЯ МЫСЛЮ Я...

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

* * *

*Местопребывание — Земля.
Времяпровождение — Эпоха.
Поиграю в реки и поля
до поры, пока не станет плохо.
Заночую будущей весной
на уютном кладбище России.
И склонится ветка надо мной,
как-то вдруг по-женски обессилев.
А потом я встану, но не я,
и опять возрадуюсь погоде,
и моя весёлость, не моя,
растворится музыкой в народе.*

* * *

В. Кожинovu

*Я пойду далеко за дома,
за деревню, за голое поле.
Моё тело догонит зима
и снежинкою первой уколёт.*

*Заскрипит на морозе сосна,
под ногами рассыплется лужа.
Станет нежною сказкой весна,
станет былью жестокою стужа.*

*Буду я поспешать, поспешать.
Будут гулко стучать мои ноги.
А в затылок мне будет дышать
леденящая правда дороги.*

* * *

*Возвращение в дом, под родное крыло —
неизбывная тема российских поэтов.
Возвращаюсь и я, оставляю седло.
Натыкаюсь на серую руку соседа.
Открываю ударом забитую дверь.
Опускаюсь на тёмную лавку вдоль окон.
Из-под печки доверчиво выбежал зверь.
“Здравствуй, добрая мышка, и ты одинока?”
С голосистым ведёрком иду за водой,
раздуваю живительный жар в самоваре...
На стене фотография: дед молодой,
молодой, принаряженный дедушка-парень.
...На кого он похож? На царя? На меня?
Где мы с ним разминулись
среди белого дня?*

* * *

*Здравствуй, бабушка-старушка,
голова твоя в снегу.
Ты уже почти игрушка, —
это я тебе не лгу.
Точно камушек на камне,
ты сидишь на валуне.
Отгадать тебя — куда мне,
осознать тебя — не мне.
Ноги воткнуты, как палки,
в землю-матушку черну.
Мне тебя совсем не жалко,
грустно-тихую, одну.
Мне ещё валиться с неба,
попадать под поезда,
а тебе — кусочек хлеба, —
и отпрянула беда.
Помашу тебе рукою,
серый камушек в пыли...
Вот ведь чудо-то какое
вырастает из земли.*

* * *

*Был обвал. Сломало ногу.
Завалило — ходу нет.
Надо было бить тревогу,
вылезать на белый свет.
А желанья притихли...
Копошись не копошись —
столько лет умчалось в вихре!
Остальное — разве жизнь?
И решил захлопнуть очи.
...Только вижу: муравей
разгребаёт щель, хлопочет,
хоть засыпан до бровей.
Пашет носом, точно плугом,
лезет в камень, как сверло!*

*Ах, ты, думаю, зверюга...
И — за ним.
И — повезло!*

* * *

В. П. Соловьёву-Седому

*Запоминаю лес, где я с утра
с кошёлкою грибною пропадаю.
Запоминаю птичьего пера
сияние... И эту птичью стаю,
что на ветвях повисла, как плоды.
Запоминаю жалобы лягушки,
и самолет, ворчащий с высоты,
и древний ситец встреченной старушки.
Запоминаю бешеный изгиб
весёлой речки — озорная влага!
Что может быть таинственнее рыб?
Запоминай же их, моя бумага.
И рыжую дорогу в гуще трав,
и девушку, шагающую спешно...
Запоминаю. Истово. Стремглав!
Поскольку расставанье — неизбежно.*

* * *

*Как поздно я познал язык добра,
а ведь язык тот не был иностранным...
И жил я не в пещере в шкуре драгой,
а в граде — возле медного Петра.*

*Но лишь теперь, когда на сердце — соль,
а на душе — досадные осадки,
я полюбил и цель свою, и роль,
и этот тополь собственной посадки.*

*Гляжу на мир из глаз — не из окна,
и нива дум колышется и зреет...
И верю я, что время — не стареет,
что для кого-то мир мой — новизна!*

* * *

*Рябило в глазах от мелькавшего хлама:
то вспыхнет вершина, то явится яма,
то венчик победы, то холмик утраты.
Людовики, Карлы, а вслед им — Мараты.
Всё было, всё было... И вдруг осенило:
есть высшая доля!
есть высшая сила!*

*Знобило, коверкало,гнуло,ломало.
По праздникам мысль о теще донимала.
Писались прощальные письма и песни.
Два слова под черепом ныли: “А если...”
Кукожилась воля... И вдруг — отпустило:*

*есть высшая доля,
есть высшая сила!*

*Любовь оставляла. И в ночь воровато
сквозь щели событий тащилась куда-то.
Но вера под звёзды карабкалась всё же,
миры недоклёванным сердцем тревожа!
И жизнь возвращалась, и свечи гасила.
Есть высшая доля,
есть высшая сила!*

*Вот так и толкуем о жизни, о гробе.
Сдаём своё тело, как плащ в гардеробе.
Но всё ж и тогда — перед дальней дорогой —
душе, по краям запотевшей тревогой,
является птичка, что в будни сквозила:
есть высшая доля,
есть высшая сила!*

* * *

С. С. Гейченко

*Нет, прошлое не есть пустырь.
Вот по заснеженному “ныне”
шуршит машина в монастырь
к могиле Пушкина, к святыне.*

*Как рукотворная заря,
двадцатый век сияет лихо!
А здесь, у стен монастыря,
и в двадцать первом будет тихо.*

*Святые надобны места,
чтоб сердцем слушать мир — не ухом,
чтоб воспарять, хоть иногда,
над изнемогшей плотью — духом!*

ОЧЕВИДЕЦ

*Под вселенский голос вьюги
на диване в темноте
поразмислить на досуге
о Пилате и Христе.*

*...Как же так! — руками трогать
воздух истины, итог,
в двух шагах стоять от Бога
и не верить, что он — Бог...*

*Под тенистой маслиной,
на пороге дивных дней
видеть солнечного Сына —
и не сделаться светлей?*

*Отмахнуться... Вымыть руки.
Ах, Пилат, а как же нам
под щемящий голос вьюги
строить в сердце Божий храм?*

*Нам, не знавшим благодати,
нам, забывшим о Христе,
нам, сидящим в Ленинграде
на диване — в темноте?*

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Владимиру Крупину

*Как выль в преддверии дождя
кричит протяжно и бездомно,
как раб в предчувствии вождя
в цепях поскуливает томно,
как рыбка, сквозь стеклянный плен,
предслышит гул землетрясения,
как посвист “ветра перемен”
предощущает поколенья,
как сердцу матери дано
в снах разглядеть погибель сына,
как свет вкушать, когда темно,
любовь способна в днях рутинных,
как прорицатель — сквозь года
провидит нечто, как сквозь воду,
так я — чрез Истину Христа —
уже предчувствую Свободу!*

* * *

*Пробелы в памяти, провалы.
Что было с нами — миг назад?
Какие пели запевалы?
В какой влекли цветущий сад?*

*Окаменелость сердца, мозга,
остервенелость сонных душ
грозят погодкою промозглой
стране, вкусившей блажь и чушь.*

*Блажь звездолобых краснобаев.
Чушь кровожадных леваков.
Россия? — Да. Но — не любая.
А та, святая, без оков.*

* * *

*Родную землю и камень любит,
пичужка, кошка и лютый зверь,
весной, по молодости, и в холод лютый...
А я люблю её — и теперь.*

*Теперь, когда на плечах мозоли
от лямки жизни... Когда испуг
во встречных взглядах. И столько боли,
и свищут пули, хоть мир вокруг.*

*Когда мертвеют заводы, пашни,
в чужие страны — исход и бег.
...В родную землю — и лечь не страшно.
Страшней — утратить её навек.*

* * *

*Слышу, птицы поют: просыпаться пора!
Голубую рубашку надену с утра.
Посмотрю на себя и назад оглянусь —
на весёлых людей, в допетровскую Русь.*

*Я свой смех позабыл. Я свой праздник зевнул.
В детский сад отводил меня сам Вельзевул.
Потому что отец — за решёткой сидел.
Потому что такой ему выпал удел.*

*Я остался один. Яд копили уста.
В протоколе записано: “Пел иногда”.
Хорошо, что отец не в Канаде зарыт —
под родимой берёзой, плакучей навзрыд.*

*...Обозначится небо. Окрепнет земля.
Тёплый дождь, бескорыстный, согреет поля.
И по древней дороге уйдёт мужичок —
голубая рубашка, литой пиджачок.*

* * *

*Мне теперь предельно ясно:
жизнь моя была прекрасна!
...Снег метельный, фонари, —
дивно, что ни говори.
Взгляд девичий волоокий,
локон в снежной поволоке,
в небе теплится заря...
Нет, любили мы не зря!*

*...В поле чёлочка ржаная,
я — смешной, и ты — смешная.
Шелестит тропа во ржи...
Ни большой, ни малой лжи.
Над землёю — свод небесный...
Что ни миг — благой, чудесный!
Даже стоя без вины
в час расстрельный у стены...
Даже лёжа на кладбище,
где весной пичужка свищет.
Бугорок порос травой,
над травую — шмель живой!*

* * *

*Когда иссякнут в сердце страхи,
когда отпустит быт, как боль,
я выйду в праздничной рубахе
и доиграю жизни роль.*

*Меня, как мать, обнимет поле,
и я, словами шелестя,
не возропщу, не вспыхну боле,
не возжелаю в сушь дождя.*

*Волос беспомощные пряди
умерят жалкую игру,
и я в торжественном наряде,
как крик, растаю на ветру.*

*Нет, я не славлю приближенья
той, что разрушит ткань мою, —
я предвкушаю утешенье,
как рану лёгкую в бою...*

*Одно желаю: отдышаться
от ласк жестоких бытия,
передохнуть и дальше мчаться!
И дольше длиться мыслью я...*